

18+ Олег Копытов

Восемнадцатый пассажир

Сборник рассказов

Олег Копытов

**Восемнадцатый пассажир.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Копытов О.

Восемнадцатый пассажир. Сборник рассказов / О. Копытов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833586-0

Жизнь — штука одновременно простая и сложная, веселая и печальная, иногда забавная, часто тяжелая. А порой — до того нереальная, что эту грань, которую она сама и создаёт, грань между реальностью и ирреальностью, — даже и не видно. Таковы и эти рассказы. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-833586-0

© Копытов О.
© Издательские решения

Содержание

Как дела?	6
Мужской разговор	10
Мы с Гиршем гуляем по крышам	15
Прораб килограммов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Восемнадцатый пассажир

Сборник рассказов

Олег Копытов

© Олег Копытов, 2017

ISBN 978-5-4483-3586-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как дела?

Альберт Уношев женился.

Вообще-то ему давно пора было жениться. Вот уж год, как он окончил школу, где были собраны хулиганы со всего города. Но Альберт Уношев был не столько хулиганом, сколько поэтом. Ему нравились не сами драки – класс на класс или микрорайон на микрорайон, – не сама игра в «очко» растрепанной колодой или тугое молчание в беседке пустого детского сада фиолетовым вечером с толстой бутылкой фиолетового дешевого вина, – ему нравилось ощущение отрешенности и поэтический дух противоречия: вот этого всего не должно быть, это плохо, ужасно, никчемно – но это есть, есть вопреки всему, а значит, прекрасно!

Альберт Уношев женился очень удачно. Скоро ему было идти в армию, и родители его юной жены – она даже не успела окончить школу – и не помышляли о том, чтобы отпустить свою дочь в большое самостоятельное семейное плавание. Их дочка училась премудростям семейной жизни заочно, ожидая, пока ее муж нальется полным мужским весом на нелегкой военной службе.

Альберт Уношев жил в небольшой однокомнатной квартирке, подаренной его деятельными родителями, переменявшими место жительства в большом и уютном, но все же не столь личном городе, на Москву. Альберт Уношев получал от своих родителей небольшие денежные переводы, любовно выращивал усики на узком подоконнике своей верхней, резко очерченной губы, иногда писал стихи, почему-то в тонкий высокий блокнот, и, в общем-то, был всем доволен...

Страна, в которой жил Альберт Уношев, в очередной раз перепутала себя саму со своей литературой и увлеклась драматургией высокого абсурда. В тот год аспиранты университетов бросали свои диссертации и сутками сидели перед экранами телевизоров, где все время показывали прямые репортажи парламентских дебатов. Продукты исчезли из продажи, а бутылка водки стала стоить столько же, сколько билет на самолет, летящий через полстраны... Впрочем, ни бутылки водки, ни билета на самолет достать было невозможно по законам жанра: абсурдно только то, что нужно всем и каждому...

Поэтому Альберт Уношев, пока его, наконец, не забрали в солдаты, решил сначала выпить, а потом слетать в Москву.

Приняв такое решение, он для укрепления собственного духа решил отныне зваться Адольфом...

Адольф Уношев вышел из своей квартирке поздним вечером и вскоре оказался во дворе длинного и скучного, как роман Марселя Пруста, шестнадцатизэтажного дома, протянувшегося на целую троллейбусную остановку. Пошел он в сторону окраины города из крепких и раскрашенных, как детские кубики, одноэтажных домиков, где жили цыгане. Их мужчины занимались неизвестно чем, а женщины и дети днем просили милостыню, что больше походило на вооруженное ограбление, а ночью торговали спиртными напитками.

Завидев молодого человека, чье безразличное ко всему выражение лица недвусмысленно выдавало его намерения, толпа цыганок и их замызганных детей окружила его, стала дергать за рукава, преданно заглядывать в глаза и наперебой расхваливать свой товар. Бутылка водки у цыган стоила семьдесят грубелей. У Адольфа Уношева было только шестьдесят девять. Опасаясь быть битыми своими мужьями, взрослые цыганки разочарованно отошли от Адольфа Уношева, но ему удалось купить бутылку простенького коньяку у мальчишки лет десяти, видимо, сироты...

Адольф Уношев возвращался домой по ярко освещенному какими-то зловещего, желтоватого света, фонарями проспекту. По срединной разделительной полосе брела старуха-нищенка, – нищих так много развелось в этот год! – «Странно, – подумал Адольф Уно-

шев. – Ведь сегодня пятница!» – но, посмотрев на свои наручные часы-календарь, успокоился: вот уже полчаса, как была суббота. Некоторые водители бросали из форточек мчащихся автомобилей по грублю, и старуха-нищенка ловила монеты в прекрасном вратарском прыжке...

На кухоньке своей квартирки Адольф Уношев откупорил бутылку коньяку, но не стал пить сразу, вспомнив, что когда-то слышал о содержащихся в этом напитке дибильных веществах. Он вылил весь коньяк в большую плоскую миску и вежливо попросил дибильные вещества удалиться. Не сразу, но те вняли его просьбам, вылезли из миски и, упитанными тараканами, стали расплзаться по столу. Ни одно из них не дошло до края стола: внезапно дибильные вещества стали лопаться маленькими взрывами и превращаться в разноцветные выющиеся струйки дыма.

Полюбовавшись чудесным лесом на своем столе, Адольф Уношев решил отныне зваться Алоизом...

В большой павильон агентства авиакомпании Алоиз Уношев пришел без чемодана. В-первых, чемодана у него не было. В-вторых, он знал, куда летит, но не знал – зачем.

В зале было множество окошечек касс, но все были закрыты и изнутри к ним прилеплены таблички «Билетов нет». Впрочем, иногда какое-нибудь окошечко робко открывалось и толпа резво устремлялась к нему. Намертво вцепившись в плечи или талию впереди стоящего, будущие пассажиры молили только об одном – чтобы окошечко подольше не закрывалось. Но окошки никогда не внимали мольбам: от силы они были открыты минут пятнадцать, и всего три-четыре счастливчика получали заветные билеты.

Постояв немного в этом зале, Алоиз Уношев решил ехать прямо в аэропорт.

Аэропорт сиял своими многочисленными и широкими окнами-витражами, но Алоиз Уношев не стал входить в здание, а направился прямо на летное поле, отойдя на порядочное расстояние от здания аэровокзала, от складов, ангаров и каких-то будок...

На огромном поле, рядами и поодиночке, стояло множество летательных аппаратов – многоэтажных лайнеров с бугристыми кабинами, простеньких серебристых сигар с непропорционально широкими крыльями, бипланов с тупыми мордочками и усами винтов, а также полужуков-полустрекоз – вертолетов...

Алоиз Уношев выбрал одиноко стоящий самолет средних размеров, развернутый по направлению к Москве...

В салонах было пусто, и росла капуста. Алоиз Уношев прошел в конец второго, длинного, салона, переступая через круглые, спелые качаны, и скромно уселся в уголке...

В салон вошли мужчины средних лет и постарше, числом десять, одеты они были так, как всегда одеваются начальники. Один из них был похож на Фернанделя.

В салон вошли девицы. Числом две. Одеты они были в короткие желтые плиссированные юбочки, в черные маечки, не достающие до пупков, и черные туфли с очень высокими каблуками.

В салон вошел служащий авиакомпании, молча сосчитал присутствующих, вырубил всю капусту и удалился.

Затем в салон вошла немолодая и почему-то очень усталая стюардесса с давно пережженными всякой гадостью волосами и плотно закрыла за собой дверь.

Самолет набрал полную грудь воздуха, стал гордым и взлетел...

Когда самолет набрал высоту, девицы, куда-то исчезавшие, распахнули шторы, перегораживающие тамбур между салонами, и вкатили две тележки-столика. На одной стояли тарелки с расстегаями, смеющимся жареным поросенком, осетриной, посыпанной петрушкой и помазанной тертым хреном, прозрачной щучьей ухой с большими морковными звездами; здесь был дымящийся шашлык на шампурах, составленных шатром, под шатром стояли лодочки половинок вареных яиц с красной и черной икрой. На второй тележке стояли вазы с фруктами и бутылки – здесь были русские, шведские и польские водки, армянский и фран-

цузский коньяк, португальские, итальянские, французские и немецкие вина, чешское пиво, американский джин, кубинский ром и любимый напиток всех начальников – калиф-на-час.

Внезапно самолет тряхнуло, бутылки звякнули своими лбами, морковные звезды выпрыгнули из ухи.

Начальник, похожий на Фернанделя, сказал, что ничего страшного: просто в турбину лайнера попал орел, но маленький, как воробей, потому что он в детстве часто болел, вот и не вырос. В качестве доказательства Фернандель вытащил из кармана брюк маленькую оплавившуюся тушку и беззаботно рассмеялся своей шутке. Скоро его смех стал походить на конвульсии: Фернандель задыхался, судорожно взмахивал руками, закатывал глаза, наконец, изогнулся, как обугленная спичка, рухнул на пол и умер. Из рта Фернанделя выползла маленькая алая змейка, огляделась по сторонам, побагровела и тоже умерла.

Никто не засмеялся. Тогда Фернандель понял, что у его сотрапезников начисто отсутствует чувство юмора, поднялся с пола, стер большим клетчатым платком алую змейку и вцепился крепкими зубами в ухо жареного поросенка...

Начальники ели и пили. Откуда-то доносилась музыка. Девицы вышагивали по красному ковру между кресел салона, точно манекенщицы на подиуме: ступая правой ногой туда, куда должно ступать левой, а левой – куда должно ступать правой... Алоиза Уношева клонило ко сну... Впрочем, он уже догадался, что отныне его зовут Афиноген...

Внизу алюминиевым листом блеснуло Теплое море: начальники летели именно туда. Когда подали трап и открыли дверь, все, в том числе Афиноген Уношев, увидели, что начальников встречают комиссары Службы Безопасности в длинных черных плащах со злобными таксами на поводках. Завидев начальников, комиссары приветливо замахали своими длиннопольными шляпами и увезли начальников в тюрьму. Девицы отравились в мотель рейсовым автобусом...

Командир корабля, пилот первого класса, заворчал в том смысле, что везти теперь одного пассажира в Москву ему особого смысла нету. Но потом как-то обречено махнул рукой и скрылся в своей кабине...

По Москве, по центральному проспекту, лениво ползли танки. Из люка переднего высовывался офицер с обезображенным ожогом лицом. Когда танк останавливался на красный свет светофора, а затем снова начинал движение, офицер дергался корпусом, как пластмассовый футболист на пружинке на поле детского настольного футбола.

Один из танков в середине колонны подался бортом чуть в сторону и задел припаркованный к обочине старенький «Жигуленок». Нос и багажник автомобиля сконфуженно сморщились, старые стекла с готовностью раскрошились, как пересохшее печенье. Из булочной напротив выскочил мужчина в пиджаке, очках и сандалиях, бессильно чертыхнулся, присел на смятый багажник своего «Жигуленка» и, прижав к груди батон, заплакал...

Афиноген Уношев вспомнил, что пару дней назад газеты пугали очередным путчем, государственным переворотом, который, по закону жанра, вот-вот должен был случиться в столице. Вообще-то газетам Афиноген Уношев не очень-то верил, но не поверить собственным глазам он не мог...

Афиноген Уношев, провожая взглядом танковую колонну, понял, чем он будет заниматься в Москве. Он не пойдет к своим родителям. Вернее, пойдет, но не сразу. Сначала он встретится с Президентом...

У служебного входа в Президентский дворец стоял сержант морской пехоты и грыз ногти. Афиноген Уношев хотел молча обойти его, но сержант перегородил дорогу и строго спросил, к кому. Афиноген Уношев честно ответил о своем намерении: Президента надо повидать. Сержант сказал, что Президента нет. А где он? Не знаю, – равнодушно буркнул сержант, – вышел куда-то.

Афиногену Уношеву стало как-то пусто. Начинаясь дождь. В центре Москвы стало грустно, как в большом универмаге, закрытом днем в праздничный день. Афиноген Уношев подумал, а не проехаться ли ему просто куда-нибудь по Москве на троллейбусе. Чистый и нарядный троллейбус как раз подкатил к остановке.

В салоне было пусто. Большие окна плакали навзрыд... Афиноген Уношев вошел через заднюю дверь, поэтому не сразу заметил, что на переднем сиденье кто-то сидит. Почему-то сильно осмелев, Афиноген Уношев прошел через весь салон, чтобы поближе рассмотреть этого одинокого пассажира. Боже мой! Ведь это сам Президент! Тело его было безжизненным, как у куклы, лицо напоминало маску, почему-то Афиноген Уношев подумал, что такое же лицо было у Тиберия Гракха через час после смерти. Хотя, конечно, Афиноген Уношев совершенно не знал, кто такой был Тиберий Гракх...

Глаза Президента были закрыты. Но Афиноген Уношев точно знал, что они закрыты оттого, что Президента никто ни о чем не спрашивает. Тогда Афиноген Уношев произнес:

– Как дела?

Президент открыл глаза, и, оказалось, что они, в отличие от всего, еще живы. Президент попробовал пошевелить мертвыми губами, что-то ответить, но ничего не получалось... Из глаза Президента выскочила какая-то маленькая, неумелая, детская слеза...

Альберт Уношев женился.

Вообще-то ему давно пора было жениться. Вот уж год, как он окончил школу...

23 августа 1991 г., г. Санкт-Петербург

Мужской разговор

Он сидит на оранжевом пластмассовом горшке, крепко охватив свою голову ручонками, и ожесточенно смотрит на паучью сеть трещин, расползшихся по бледно-голубой плитке на полу. Из крана уныло капает светло-коричневая вода. Я сижу на корточках напротив открытой двери ванной, опершись спиной о стену с тонкими бумажными обоями, и читаю длинную статью одного ученого доцента в книжке с бесцветной, мягкой обложкой. Чтобы удобнее было читать, я то и дело тру кулаком между страницами.

Над нами горит бра из фальшивого хрусталя: вчера была зарплата, и я, наконец, сменил перегоревшую лампочку, – порядочно света проникает из коридорчика в ванную: между мною и им – два неспешных шага.

Что, не получается? – спрашиваю я, отведя взгляд от книги.

Он отвечает не сразу.

– Я знаю, почему люди умирают.

– Почему же?

– У них кончаются все какашки.

– Что-что?!

– Все когда-нибудь кончается, сам же говорил! – он всегда обижается, когда ловит меня на противоречии. Теперь я отвечаю не сразу.

– Какашки не кончаются никогда.

Он в удивлении складывает руки на коленках.

– Значит, и люди никогда не умирают?

– Понимаешь, все умирают и думают, что умерли по-настоящему, а на самом деле – понарошку. Но об этом я тебе в следующий раз расскажу, понял?

Он умоляюще смотрит на меня.

– В следующий раз, – я уверен, что мой тон не оставляет ему сомнений.

Он встает со все еще пустого горшка и в задумчивости прохаживается взад-вперед по ванной: три шажка в приспущенных штанишках до раковины, три обратно.

Наконец я, умилившись розовым кружком на его попке, с улыбкой говорю:

– У тебя сзади, как будто крокодил укусил.

Он прищуривается и с улыбкой спрашивает:

– А тебя что, крокодил кусал?

– Да, – говорю. – Кусал. Вот в то же место... В Африке.

– Когда? – с неподдельным интересом спрашивает он.

– Ну, тебя еще на свете не было.

– Больно? – с сочувствием осведомляется он.

– Не то слово, – с тяжелым выдохом говорю я и кладу книжку на пол.

– А зачем?

– Х-м, – хмыкаю я, в смысле: «Что же здесь непонятного?!» – Съесть хотел!

– А почему кусал, а не ел?

– Понимаешь, крокодилы сразу никого не едят. Они гурманы.

– Кто-кто?

– Ну, любят вкусно поесть. А для того, чтобы было вкусно, они любого, кого схватят, тащат в реку. Вот схватили барашка или какую-нибудь антилопу пожирнее и пятаются с нею к реке, чтобы утопить.

– Зачем?

– Ты суп любишь?

– Молочный, – стыдливо отвечает он.

– И крокодилы суп любят. Только не молочный, а мясной. А варить им где? Ну где, где? Какое-то время он напряженно думает. Затем снимает, как плохой студент на экзамене... Бедняжка, он еще никогда не был в Африке! Пожалев его, я продолжаю:

– Ну так вот, варить им суп попросту негде. Потому они и тащат свое мясо на дно, чтобы оно хотя бы отмокло как следует. Заодно ждут, пока аппетит совсем разыграется. Потом уже только обедают.

Вдруг он вспоминает, что крокодил в Африке схватил меня за...

И быстро спрашивает:

– Так крокодил думал, что ты мясо?!

– Конечно. Многие думали, что я мясо.

Последнюю реплику он пропускает мимо ушей.

– А дальше что?

– Я обернулся и стал на него ругаться.

– Как?

– Паразит! – кричу, – Сатрап! Крокопийца! С ума сошел! Отпусти! – а он тащит и тащит себе. – Тут я вспомнил, дурья башка, что крокодил-то он африканский и по-русски ни бель-меса не понимает. Тогда я перестаю ругаться, поворачиваю голову в сторону, делаю вид, что высмотрел что-то интересное, и говорю ему по-африкански: «Слышь, браток, смотри, какой там ягненок! Да вон он, слева!» Косить глазом он не умеет, поэтому разжимает челюсти и поворачивает морду в сторону. А она у него дли-и-нная. Мне того и надо! Не успел он свою башку влево повернуть, как я уже в самые джунгли убежал.

– А ты не обманываешь? – хитро-протяжно произносит он.

– Нет, ну что ты! Я же преподаватель. Разве преподаватели врут?

С последним доводом он спорить пока не решается. Разок я взял его на лекцию по сложносочиненному предложению, и с тех пор он стал относиться к слову «преподаватель» как-то по-особенному. На той самой лекции больше всего его поразило то, что я все время говорю, а студенты не только не спорят со мной, а, даже склонив головы, аккуратно за мной записывают.

– А кем ты был в Африке?

«Кем быть?» – для него сейчас первостатейный вопрос. После того, как я сказал ему, работая за письменным столом: «Перестань хлопать дверями, а то от меня мысли убегают, как от милиционера!» – он разочаровался в привлекательности милицейской службы. Кризис усилился, когда я, не подумав о последствиях, вскользь бросил, что в свое время так и не стал поступать на журналистский факультет. По его моментально скисшему виду я понял, что в последнее время он тайно вынашивал определенную идею. Мои бывшие профессии дворника и сторожа его почему-то не вдохновляли. Теперешняя, судя по его сочувственному взгляду на сутулую спину, по воскресеньям склоненную над письменным столом, – тоже...

– Так кем ты был в Африке?

Мне становится неудобно сидеть на корточках, и я сползаю на пол, устроившись на нем тем самым местом, за которое меня, безвинного, кусал когда-то крокодил.

– Водителем слонов.

– Кем?

– Говорю же тебе: шофером на слонах.

– Шофером на слонах! – он начинает возить горшком по кафельной плитке, но вскоре призывает здоровую недоверчивость:

– Ты что? На шофера полгода учиться надо! Сам же говорил.

Полгода для него, конечно же, – целая вечность.

– Говорил. Говорил про водителей автобусов. А шофером на слонах всего три минуты надо учиться... Да это совсем просто! Хочешь, прямо сейчас тебя научу?!

– Хочу, – говорит он так, словно прощается с невинностью.

– Ну слушай. Первое, надо проверить, перед тем как лезть на слона, захватил ли ты палочку.

– Какую палочку?

– А ты думаешь, на слонах просто так катаются? Просто так и на осле можно покататься. А на слоне работать надо!

– А что делают слоны?

– Они дома из бревен строят.

– Как?

– Вот для этого-то и нужна палочка. Ну ладно. Давай по порядку. Значит, проверил, на месте ли палочка, потом уцепился за хвост и полез на слона. Помнишь, смотрели по телевизору, как альпинисты на гору лезят?

– Видел, видел, – он подъехал на своем горшке к стенке и оперся об нее спиной.

– Залез на спину, потом на четвереньках до самой головы и садишься ему на затылок. Палочку держишь в зубах, чтобы обе руки были свободны. Стукнул кулаком ему по башке – слон поехал вперед, дернул за левое ухо – слон повернет влево, дернул за правое – вправо, дернул за оба – остановился. Затем берешь палочку, лезешь немного вперед и дотягиваешься палочкой до хобота – слон берет бревно. Потом едешь на строительство, снова дотягиваешься до хобота – и слон опустит бревно туда, куда надо.

– И сколько ты домов построил? – спрашивает он вяло: видимо, работа водителем слонов показалась ему чересчур уж тривиальной.

– Шестнадцать, – так же вяло отвечаю я.

Мы молчим.

– Ты покакал? – наконец спрашиваю я, только в целях поддержать разговор, потому что носом знаю, – нет.

Он улыбается, не глядя мне в глаза, и я понимаю, что мои мемуары сейчас продолжатся.

– А как ты попал в Африку?

– Видишь ли, в жизни иногда случаются очень несправедливые вещи... Впрочем, я как-то тебе говорил... В общем, меня хотели обвинить в преступлении, которого я не совершал, и мне ничего не оставалось делать, как сбежать в Африку.

– В каком преступлении? – по его заблестевшим глазам видно, что с мечтой о милиции, как с первой любовью, трудно проститься навсегда.

– Не совершал я никакого преступления, – твердо говорю я.

– А что совершал? – не унимается он.

– Я написал сказку.

– Какую?

– Давно это было. Полностью я ее уже позабыл. Но в основном помню. В общем, так. Когда-то жил в одном царстве-государстве король. Его никто не уважал, но все боялись, потому что тем, кто его не славил, король приказывал рубить головы. А без головы что за жизнь? – ни поесть, ни попить, ни подумать...

– Да уж... – рассеянно соглашается он.

– Так вот. Все в том государстве с утра до вечера говорили, как любят короля. И не только во дворце или возле дворца... В дальней деревушке, в горах, доит какая-нибудь крестьянка свою корову и говорит ей: «Ах, если б знала ты, кормилица моя, как я люблю короля!» – и слезу концом платка утирает.

И вот однажды с войны вернулся солдат. Война уже давно кончилась, но он вернулся только сейчас. Когда злой король посылал на войну своих солдат, он говорил им: «Делайте на войне что угодно: стреляйте, колите штыками, палите из тушек, только не вздумайте попадать в плен. Тому, кто попадет, сразу прикажу отрубить голову!»

Солдаты, конечно, боялись короля, как и все в том государстве, поэтому никто не хотел попадать в плен. Они стреляли, кололи штыками, палили из пушек. А в них тоже стреляли из ружей, тоже палили из пушек, их тоже кололи штыками. И в конце концов перебили всех, кроме одного. Его пожалели: один все-таки, в поле не воин, – и взяли в плен, как он ни упирался. А в плену чего только не бывает, даже жениться можно. Вот он и женился. Но через два года жена его вдруг разлюбила, подала на развод и вышла замуж за местного капрала. Дело, конечно, не в том, что у капрала чин повыше, просто солдат иностранного языка не знал. Хороший был солдат, только вот необразованный... Ну и она тоже хороша!.. Тысячу раз надо подумать, прежде чем жениться, а то выберешь себе вот такую вот.

– Бон ни, – философски изрекает он со своего горшка.

– Бон ни, – соглашаюсь я и продолжаю. – Пришлось солдату домой вернуться. Приходит, а от него все шарахаются, как от чумного, ведь все знали о приказе короля и боялись с солдатом здороваться: солдату-то понятно, за что без головы ходить, а они причем?!

Видит солдат такое дело, но не отчаивается. дождался он ночи, да такой темной, что серую кошку от черной не отличишь, а черной и вовсе не увидишь, достал из своего ранца взрывчатку – у него еще с войны взрывчатки оставалось немножко, так, на всякий случай, – пробрался во дворец и опустил взрывчатку глубоко в королевский унитаз. А взрыватель к шнуру подключил. И отправился, довольный, домой спать.

Проснулся король утром. Бутерброд, конечно, со сливочным маслом себе заказал. А пока бутерброд ему готовили, пошел в туалет. Сделал там все, как положено, дернул за веревочку... Одним словом – с головы до ног! Да еще взрывной волной так прижало, что, как ни пытался потом король отмыться, – не получилось... С тех пор перестали короля бояться. Никто его уже не славил. И даже с королевской должности прогнали.

– А кем назначили?

– Никем. На пенсию отправили.

– А солдат?

– Что солдат?.. Солдат стал стихи писать. Красивые.

– А зачем он это сделал?

– Что? Стихи начал писать?

– Нет, – он поерзал горшком по полу.

– А! Взрывчатку заложил... Понимаешь, он понял, что любая война это поток, целая река какашек, и хотел, чтобы и короля ими забрызгало.

– А преступление?

– Да не совершал я никакого преступления! Дело в том, что через полтора года после того, как мою сказку напечатали в журнале, какие-то люди действительно заложили взрывчатку в туалет Дома Правительства, и эта взрывчатка действительно взорвалась, и обрызгало не только министров, но и самого Президента.

– Если это не ты, почему сбежал?!

– Понимаешь, мой друг служил в секретной службе – друзья могут быть самые разные, но самый полезный именно тот, который служит в секретной службе, – и вот он меня предупредил, что ночью меня на всякий случай арестуют. Конечно, вечером я убежал в Одессу, – говорю я и зеваю.

Он не разделяет моей индифферентности и подъезжает на своем горшке совсем близко.

– Зачем в Одессу?

– Из Одессы ходят корабли в Африку. Везут туда металлические трубы, меняют на бананы и возвращаются полные бананов. Я купил консервы, сухари, налил в канистру воды, пробрался ночью на корабль и спрятался в большой трубе.

Только я немного не подрассчитал. Корабль еще не приплыл в Африку, а консервы, сухари и вода у меня уже кончились. Конечно, я начал худеть. Уже через неделю я стал худой, как скелет. Тогда я понял, что худеть дальше некуда, и решил пробраться на камбуз...

– Что такое – «камбуз»?

– Это по-морскому кухня. Моряки вообще большие выдумщики и задавалы, вместо «кухня» они говорят «камбуз», вместо «повар» – «кок», вместо «ведро» – «обрез», ну и так далее... Пробрался я, значит, на камбуз, сначала, конечно, убедился, что там никого нет, – вижу: стоит там на плите огромная кастрюля, из которой пар валит, – и щами по-флотски пахнет. А рядом огромная поварешка лежит. Только взял я эту поварешку – как вдруг заходит кок. В белом халате и колпаке – ну все, как полагается. Увидел он меня о поварешкой и говорит:

– Ты кто?

– Инопланетянин, – отвечаю. – Вот, послали меня с заданием узнать, что земляне на обед едят. Кок аж присвистнул:

– Инопланетянин?! А не врешь?

– Безусловно, не вру! Посмотри, какой я худой. Разве люди такие худые бывают?.. Выпучил он глаза – и хлоп в обморок!

– Почему?

– Не совладал с грядущим счастьем.

Для него мои слова загадка:

– Каким счастьем?

– Ну вот посмотри. Плавал этот кок на корабле, варил щи, жарил котлеты. Как придет из плаванья, иногда с женой в театр ходил. И все! А теперь: первый человек, который встретил инопланетянина. Это же мировая известность! Газеты, журналы, телевидение! Приглашения из Кембриджа и Оксфорда, а также Сорбонны! Редакторы больших и малых энциклопедий лично ищут встречи с коком и пишут о нем статьи для истории. По указу Президента двенадцать телохранителей охраняют кока от маньяков и завистников. Его поселяют в двухэтажном особняке со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами в зеленой зоне недалеко от Москвы. Уже не он варит щи, а ему готовят трюфели и суфле два специально приставленных повара... Да, тут есть от чего в обморок упасть... А пока кок лежал в своем обмороке, я набрал полную канистру щей и опять полез в трубу. Наелся до отвала и уснул... Проснулся я от ощущения, что лечу. Открыл глаза, присмотрелся – действительно лечу. Прямо на африканский берег... Я уже потом догадался, что произошло. Капитан, конечно, дал приказ найти этого инопланетянина и доставить его в капитанскую рубку. Какой-нибудь неуклюжий матрос так неуклюже полез на кучу труб искать инопланетянина, что куча рассыпалась, а трубы полетели на нижнюю палубу. Моя труба тоже свалилась, а я по инерции вылетел из трубы и полетел на африканский берег... Ну, лечу, значит. Смотрю: похоже, лечу на пляж. А там полно народу. И все негры. Африка ведь.купаются, загорают. Многие с детишками. И лежит там толстая такая негрская женщина. Ничком. Вздремнула на солнышке. Так вот я прямо на нее с неба и свалился. Женщина как завизжит, да как припустит в чащу африканского леса. А мне куда деваться? Да и денег у меня на автобус нету. В общем, так верхом на женщине и въехал в самые африканские дебри от греха да таможен подальше...

Через тонкие стены нашей квартиры слышно, как открывается дверь напротив, на лестничной площадке раздаются женские голоса. Звенит звонок.

Мы оба почему-то вздрагиваем.

– Пришла, иди открывай, – говорит он.

Я встаю. Становлюсь серьезным и грустным. И иду открывать.

май 1993 г., г. Хабаровск

Мы с Гиршем гуляем по крышам

Мы с Гиршем гуляем по крышам. Эта крыша плоская, посыпана битумом, как запасное поле стадиона. Мимо нас, едва не сбив Гирша с ног, проносится велосипедист. Он отчаянно крутит педали в обратную сторону в тщетной надежде затормозить... – и исчезает с плоскости, как его и не было!

Мы с Гиршем подходим к краю крыши и смотрим вниз. Маленький велосипедист ругается грязными словами и пинает маленький велосипед с колесами, искореженными всмятку. Он срывает с головы каску и запускает ее на крышу. Серебристая велосипедная каска быстро увеличивается в размерах, пролетает между мной и Гиршем, звякает жалобно несколько раз, обиженно ворочается на черном битуме и наконец затихает, равнодушная ко всему.

– Почему люди не летают? – спрашивает Гирш.

– Не хотят, – отвечаю я. Это самый простой вопрос из тех, что сегодня задавал Гирш.

Мы спрыгиваем на крышу соседнего дома, этажа на три ниже.

За что я люблю гулять с Гиршем по крышам – за то, что он красиво с крыш спрыгивает: голова чуть откинута назад, руки, словно парящего голубя крылья, своими длинными ногами Гирш делает «ножницы» и приземляется медленно, плавно. Я очень старательный, поэтому не умею учиться. Спрыгнув с крыши, я валюсь на бок и могу наделать столько шума!..

Наша прогулка подходит к концу. Мы спускаемся на землю. Фиолетовое солнце вслед за нами забирается на крыши и сонно с них зевает.

– Послушай, Гирш, а расскажи, как ты поймал баккаруду! – говорю я.

– А-а! Прошлым летом в городском парке?

Гирш любит рассказывать эту историю. Никто не верил, что в городском пруду водится баккаруда. А Гирш выманил ее на берег при помощи куска коньячного торта. Баккаруда под жарким солнцем растаяла. А остатки торта доклевали городские вороны...

Мы идем на базар, ведь Гирш ходит по базарам только вечерами.

Стены базара сложены из серо-зеленого, уже заплесневелого кирпича, у ворот стоит лопоухий солдат в грязной пилотке и мешковатой, не по росту шинели с оранжевыми погонами. Гирш невозмутимо проходит мимо солдата, а тот бежит за нами где-то сбоку и дергает меня за рукав. Я сую руку в карман и с удивлением нахожу там несколько хмарок. Я отдаю их солдату, и он убегает назад к воротам, громыхая своими стоптанными сапогами.

– Зачем попу гармонь? – спрашивает Гирш.

– Поп очень любит музыку, – отвечаю я, немного подумав.

Мимо нас четверо попов тащат пианино. Пианино тяжелое, старинное, красного дерева. Попы обливаются потом. Мне становится жаль их, ведь до швейцарской границы так далеко!

Стены базара сжимаются шагреновой кожей. Пора бы и уходить.

Но Гирш находит маленькую калитку и исчезает в ней. Делать нечего – я иду за ним. За калиткой небольшой павильон, обтянутый сверху железной сеткой. Внутри павильона два ряда гранитных прилавков, липких и замусоренных. По ним ползают жирные мухи.

Весь асфальт вокруг прилавков усыпан мелкими бумажками. Я нагибаюсь и подбираю несколько. Это мятые, надорванные, истершиеся хмарки.

Гирш подскакивает ко мне и резко бьет по руке:

– Никогда! Слышишь, никогда не делай этого!

– Извини, Гирш, – тихо говорю я и тщательно вытираю свои пальцы носовым платком.

Мы выходим из павильона на базарную площадь, которая сжалась до размеров волейбольной площадки. По ту сторону сетки угрюмые плечистые парни сгружают с грузовика туго набитые пыльные мешки. Они заметили нас, все, кроме одного, перестают работать, несколько секунд смотрят на нас и вдруг начинают гоготать и кричат нам: «Додики! Додики!»

– Никогда, никому не позволяй оскорблять себя! – говорит Гирш, подбирает с земли длинную заостренную палку и копьем бросает ее в парней. В полете палка переворачивается и втыкается тупым концом в спину того, кто продолжал нагибаться над мешками. Его спина резко распрямляется, и острый конец копья продирает бедро самого свирепого на вид.

Волейбольная сетка туго натянулась, лопнула и опала. Мы с Гиршем подходим к машине. Раненый садится на пыльный пол кузова грузовика, раздирает свою штанину, словно обивку старого дивана, и с детским любопытством вытаскивает куски пожелтевшей, слежавшейся ваты.

Гирш зевает, и мы уходим с базара...

По ночному городу пролетают трассирующие огни автомашин. Жизнерадостные неоновые истуканы улыбаются с фасадов плоских черных зданий, у панели отеля с периметром бегущих друг другу в затылок огней стоит длинный ряд молочно-белых и черно-сетчатых чулок...

– Гирш, а Бог любит кого-нибудь просто так, из собственной слабости? – спрашиваю я.

Гирш загадочно улыбается и исчезает в ближайшем проходном дворе, забыв пожать мне руку на прощание.

Начинает капать дождь. У меня нет зонта, и я поднимаю воротник плаща.

01. 12. 1991 г., г. Сергиев Посад

Прораб килограммов или много-много лет спустя

На антресолях трактирчика «Колокол и бутылка» мерцала худая свечка. Слабосильный светоч был установлен на грубом дубовом столе и окружен темно-лиловыми бутылками, растерзанными цыплячьими тушками и сломанными перьями лука. Часть стола была очищена от яств: в жиденькой лужице света лежал лист бумаги, над которым склонился человек с гладким волевым подбородком...

Прораб Килограммов подернул плечами и намертво вжался в кресло.

– Д'Артаньян! Д'Артаньян! Скачите скорее сюда! – доносился из лесу до боли знакомый голос.

Д'Артаньян спешился и, цепляясь плащом за кусты жимолости, выдвинулся на звуковой ориентир.

Благородный Атос бегал по поляне совершенно без штанов и возмущенно дергал бровями. Д'Артаньян участливо похлопал Атоса по плечу и уже открыл было рот, чтобы вербально ободрить друга, как с ужасом заметил огромную рыжую лилию на его правой ягодице. Гасконец нервно икнул и опасливо огляделся.

Оглушающе хрустя сухими костями валежника, из чащи выбрался на поляну Портос.

– А-а, вот вы где! – радостно прогудел он.

Д'Артаньян, все еще хлопая Атоса по плечу, поборол вероломную дрожь и, пытаясь придать твердость голосу, воскликнул:

– Черт возьми, Портос!..

Но с Портосом творилось что-то неладное: он не отрываясь смотрел на лилию и при этом как бы наливался изнутри чем-то эдаким – и вдруг с ревом: «Е-есть в графском парке Черный пруд!» – убежал в чащу.

– Это она! Это Миледи! – Атос заплакал и стал сморкаться в платочек с вышитым на нем вензелем «К.Б.».

– Я убью ее! – вскричал Д'Артаньян и молнией унесся на край леса, где были оставлены лошади. Портос, страшно громыхая сапогами, побежал вслед за Д'Артаньяном...

Атос всхлипнул в последний раз и побрел в сторону деревни.

...Как-то быстро, незаметно стемнело, как, впрочем, всегда темнеет в этих местах в эту пору года...

В трактире «Колокол и бутылка» было темно и тихо. Атос подергал дверь – заперто. Мушкетер горестно вздохнул, отошел на несколько шагов, в последней надежде оглянулся – и тут заметил слабый свет в одном из окон второго этажа. Атос полез вверх с необычайной для его лет ловкостью.

– Какое счастье! Арамис! – воскликнул Атос, добравшись до цели. И ввалился в комнату.

Арамис, склонившийся над столом, даже не обернулся.

– Вы только взгляните, друг мой! – Атос сделал стыдливый полуоборот, намереваясь представить свой печальный зад взору Арамиса.

– Подите к черту, друг мой, – с легкими нотками раздражения ответил Арамис и охватил свои виски ладонями. Лист бумаги, лежавший перед ним, являлся не чем иным как последним письмом от герцогини Де Шеврез. В центре неумелой рукой была нарисована большая дуля.

«Странно!» – вот уже в который раз подумал Арамис.

Атос опять вздохнул: «Пойду и утоплюсь в Черном пруду», – и вылез в чернеющий проем окна, чем-то порезав при этом лилию...

А в это время Д'Артаньян и Портос в задумчивости возвращались по освещенной луной дороге. На полпути они вспомнили, что сами же утопили Миледи еще в прошлом году...

Прораб Килограммов с трудом оторвался от чтения, захлопнул книгу и выключил лампу. Завтра на работу...

Прораб Килограммов промчался на стремительной карусели производственного утра; унимая одышку, взобрался на сонную горку полдня и, благополучно съехав с нее в умиротворяющую мягкость домашних тапочек, принялся за чтение.

...Лиловое утро вяло поднялось с востока. Портос уехал в Париж завтракать и отсыпаться. Щепетильный Д'Артаньян не мог позволить себе появиться в столице в запыленных ботфортах. Подъезжая к Черному пруду с намереньем привести себя в порядок после ночной скачки, гасконец заметил чью-то фигуру, которая, презрев утренний холод, плескалась на мелководье.

«Бог мой, Атос!» – узнал друга Д'Артаньян. Что-то, однако, заставило его остановиться и слезть с лошади.

Солнце, наконец, распутившимся бутонем засверкало над лесом, и в это время под звуки труб и барабанов из-за зеленого полога выехал Людовик. Пышная свита сопровождала его. Какой-то всадник с фальшивым бриллиантовым кольцом поверх черной перчатки вез на своем плече золоченую удочку.

Король Франции подъехал к пруду, трубы и барабаны смолкли.

– Голубчик, вы мне всю рыбу распугали, – попенял Людовик посиневшему Атосу.

– Я... Вы... в-ваше в-велии-чест-ва, – пытался оправдаться Атос.

– В Бастилию, – подавляя зевок, произнес король: сегодня он был явно не в духе.

Королевский поезд развернулся и величественно поплыл назад к столице, увозя с собой бедного Атоса.

Д'Артаньян, который все видел и слышал, вскочил на свою кобылу дерзкой масти.

– Иди жрать! Остыло уже, – над креслом зависла темная туча, готовая в любую секунду разразиться громом и молниями. Прорабу вдруг захотелось вскочить и вытянуть руки по швам. Но он поборол это дикое желание, пробурчал: «Да-да, иду», – печально выпустил пар из легких и побрел на кухню...

Когда маслянистые лучи солнца достигли антресолей трактирчика «Колокол и бутылка», они охотно преломились о бокалы с превосходным анжуйским, которое Арамис распивал в компании с таинственным францисканским монахом. Стол вместо скатерти был застелен большой картой Франции.

– Прованс и Летаргиния, – сказал монах, выбрасывая кости.

– Мои! – от радости Арамис поцеловал дулю на послании госпожи Де Шеврез...

В то время как королевский кортеж с неспешной монаршей скоростью возвращался с неудавшейся рыбалки, в Лувре, в маленькой комнатке, перед Анной Австрийской стоял на коленях блестящий герцог Бэкингом.

– Ай лав ю, Энн! – рычал герцог и все силился не то поцеловать руку королевы, не то покусать для пробы колечко желтого металла на ее мизинце.

– Ага, а подвески не отдаете! – капризничала Анна и прятала руки за спину.

– И не отдам! Сами же подарили! – страстно прошипел Бэкингом.

Королева изящно сползла в обморок.

– Ах, Анна! Не устраивайте истерик, – просил герцог, хлопая королеву по впалым щекам и пожирая глазами жемчужное ожерелье на ее чистой шее...

...Д'Артаньян остановил коня возле кабачка на улице Ночных Затейников и столкнулся с распаренным Портосом, который выбирался из его недр.

– Ха-ха-ха! Д'Артаньян! Дружище! Где вас черти носят? Вы знаете, о чем все утро болтает Париж?

– О чем же?

– Представляете, оказывается, король – этот ощипанный фазан -ненастоящий!

– Вот как? А кто же настоящий, позвольте узнать?

Портос прислонил свою, устрашающих размеров, ладонь к уху Д'Артаньяна и выдал благоухающую скороговорку:

– У настоящего короля на правой ягодице выколота красная лилия. От рождения, – закончил Портос и заговорщически икнул.

– Где-то я уже видел эту лилию... – проговорил Д'Артаньян в тугой задумчивости.

– И я... видел, – улыбка на лице Портоса сменилась волевым выражением напряженных мнемонических изысканий.

Вдруг со страшным ревом Портос побежал за угол, на ходу расстегивая свои необъятные штаны. Д'Артаньян последовал туда же.

– Вспомнил! – кричал Портос, при этом неловко изогнувшись, – Вот она, ха-ха-ха! Кланяйтесь мне, Д'Артаньян, кланяйтесь! Я король! – Портос захлебывался от радости.

– Вы дальтоник, – не дрогнув, отвечал Д'Артаньян. – У вас лилия зеленого цвета...

Прораб Килограммов тихонько заскулил.

...Портос застыл в позе мироновского «Дискомета», глаза его расширились. Д'Артаньян хладнокровно расстегивал свой пояс...

– Ух! – облегченно выдохнул Портос. На правой ягодице гасконца не было никакой лилии... Зато отчетливо пропечатался знак торговой фирмы Буонасье...

...Д'Артаньян машинально застегнулся. Водопад слез готов был исторгнуться из его васьиковых глаз...

Килограммов вытер холодный пот со лба. Оконной шторой. Чего не делал уже одиннадцать с половиной лет.

– Ох, не огорчайтесь, друг мой, – уныло рассуждал Портос. – У нас есть еще шанс стать если не королями, то хотя бы маршалами. Помнится, у Арамиса я когда-то видел что-то похожее на благородный знак.

– Тогда вперед, в «Колокол и бутылку», – впрочем, особого оптимизма в голосе Д'Артаньяна не чувствовалось.

Прораб Килограммов отвел взгляд от страниц. Глаза бестолково поблуждали по весьма стандартной комнатке и остановились на кремовых шторах, недавно купленных Килограммовой... Внезапно прораба пронзила глубокая, как нефтяная скважина, мысль: «А ведь шторы кремовые оттого, что в их складках совершенно неразличимы светотени! В синих или, скажем, оранжевых они бы явственно ощущались!»

...Герцог Бэкингем вприпрыжку скакал по Парижу. Париж – мечта художников и поэтов со всего света, объял английского пэра всем своим неописуемым очарованием. Вдоль булыж-

ных мостовых плыли цветные запахи дружной весны, жареных мясных блюд, утренних коко-ток; в букет ярко вплетались ароматы идущих на службу офицеров и незаезженных лошадей... Из глухого переулка выплыла наглая рожа:

– Жизнь или кошелек?

– О кей! – жизнерадостно ответил Бэкингом и плюнул грабителю в левый глаз.

Уличный романтик присел:

– Англичанин?!

– Йес, Ай эм!

– Получай, гад! – шальной французский кулак смял холеный английский нос...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.